партией, сложилась фактически путем объединения существовавших на местах в 1992 г. комитетов, «союзов коммунистов», массовых движений левого толка и тому подобных организаций. Во-вторых, в силу отсутствия внутренних ресурсов для развития партийных организаций, особую роль здесь сыграло и внешнее спонсорство, которое тоже рассматривается как фактор, препятствующий формированию политических партий. Я имею в виду, что спонсорами по отношению к партиям служат разного рода государственные органы, экономические корпорации, общественные объединения и т.п. Это не способствует институционализации партий, и Россия в данном случае не является исключением. В-третьих, это преобладающая роль харизматических лидеров в организационной истории многих российских политических партий. Классическим примером в данном случае является Жириновский. Даже в тех партиях, которые идеологически привержены либеральным ценностям, роль харизматических лидеров довольно велика – достаточно вспомнить о роли Явлинского в формировании «Яблока».

На эти негативные стороны формирования партийной системы в России накладывается, в свою очередь, институциональный дизайн, который тоже препятствуют формированию партий. Я имею в виду, прежде всего, два аспекта современной российской политики: это, во-первых, сравнительно сильный президенциализм и, во-вторых, достаточно развитый федерализм. Негативное воздействие этих факторов на формирование партий усиливается в связи с тем, что на региональном уровне они действуют в сочетании, ибо и региональная власть в России в основном строится по президентскому признаку. Известно, что президентская система препятствует формированию устойчивых партийных систем.

Такова, на мой взгляд, совокупность факторов, которые препятствуют развитию политических партий в России. Я думаю, что их учета достаточно как для построения простой объяснительной модели, так и для выработки практического видения перспектив российской многопартийности. Структурные и культурные объяснения оказываются, таким образом, излишними.

ИЛЬИН М.В.

РЕФОРМИРУЕМА ЛИ СИСТЕМА? ОТ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ К ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ

Многие особенности политического развития России связаны с тем, что на протяжении трех последних веков в нашей стране устойчиво воспроизводилась особая структура организации власти – самодержавная. Она дала три основных модификации – Российскую империю, СССР и Российскую федерацию. Ее возникновение приходится на середину XVII столетия, когда завершается трансформация лимитрофного Великого княжества московского в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова, ко-

торая ярко и точно определена Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым как Великая самодержавная революция. Суть ее в том, что намечавшееся было формирование сословий, корпораций и слобод было абортировано радикальным упрощением договорных феодальных иерархий в систему простого подчинения в виде службы и тягла. Этой тенденции отвечало и свертывание институтов политического представительства, прежде всего Земских соборов.

В результате практически полного подчинения самодержавному авторитету всех остальных сегментов или блоков отечественной политической системы «в XVI-XVII вв. становящаяся русская власть лишила значимой субъектности, или субъективной энергии, все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь (теократический блок - *М.И.*), боярство (вотчинный блок - *М.И.*), княжество (дружинный блок - *М.И.*), Господин Великий Новгород (полисный элемент - *М.И.*) и т.д. Это похищение, экспроприация субъектности, а в известном смысле европейскости и даже христианскости в пользу одного и только одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти, над которой все XIX столетие бились русские умы»[1].

При всех внешних различиях и даже контрастах трех модификаций общая конфигурация самодержавной власти оставалась устойчивой [2] несмотря на многочисленные попытки – две из них удачные – свергнуть всевластное господство. Подобная устойчивость служит основанием для утверждений, будто подобные системы правления нереформируемы. Да, задача сложна, но вполне решаема. А что касается нереформируемости царизма, коммунизма, а нынче ельцинизма, то хочу заметить, что для того, кто не знаком с таблицей умножения, элементарная задача извлечения квадратного корня тоже нерешаема. Практика же последних двух веков показывает, что реформы не только возможны, но неизбежны, что процесс накопления потенциала развития срывался из-за поспешности, недомыслия, а главное, непонимания сути и форм модернизации. Нельзя пользоваться упрощенными школьными схемками, усвоенными второпях и превращенных в «светлые идеалы», а затем впадать в уныние из-за их несоответствия действительности.

Ничто новое не появляется в чистом и законченном виде. В политической науке обсуждается дилемма курицы и яйца: граждане создают гражданское общество, или гражданское общество - граждан, демократы - современную демократию, или наоборот? Берусь утверждать, что развитие практически всегда выглядит половинчато - тем более при рассмотрении не в перспективе столетий, а с точки зрения одного дня. Поэтому не надо требовать от политиков и граждан, чтобы они немедля и полностью отринули укоренившиеся навыки организации властных отношений. Нужна терпеливая повседневная работа, установка на совершенствование властных отношений и знание хотя бы некоторых способов превращения старого в но-

вое, примитивного в развитое, «несовершенного» в «совершенное», если вспомнить идею Аристотеля о политике как «совершенном правлении».

В современной политической науке, например, существуют модели того, как кризис и конфликт элит может через серию шагов, начиная с вульгарного сговора этих старых элит, привести к консолидации демократии (см. «Полис» № 5, 1996). А ведь существуют и другие согласительные модели, ведущие к развитию. В политической теории известны такие типы соглашений, как общественный договор, исторический компромисс, демократический пакт и т.п. Сравнительная политология рассматривает практические способы реализации подобных соглашений в самых различных условиях.

Не вдаваясь сейчас в детали, отмечу два важных момента, выявленные сравнительными исследования. Первое: возникновение *патовых* ситуаций благоприятно для достижения соглашений. Второе, более конкретное замечание состоит в том, что модернизирующие соглашения и пакты не затрагивают проблематики ценностей и убеждений. Это касается и пресловутого согласия о прошлом. Главное согласиться не соглашаться о прошлом, быть разными. Без этого не мыслим действительный политический плюрализм. А вот имперским системам, включая их самодержавные версии, согласие о прошлом жизненно необходимо для оправдания своей исторической миссии.

В заключение несколько соображений о подходах к реформированию нынешней версии самодержавия. Наивно искать решения в потоке повседневных политических ухищрений или даже в опыте успешного руководства «отдельно взятым» регионом или ведомством. Требуется использование достижений науки, в частности, хронополитического подхода. Он позволяет наметить ориентиры восполнения эволюционных пробелов, а также модернизации. Особенно большой интерес в данном отношении имеет использование опыта и уроков ранних модернизаций XVI-XVIII столетий в Европе (как в рамках классической эндогенной модели, так и в ее отклоняющихся версиях), а также имитационно-симуляционных модернизаций в таких странах, как Мексика, Бразилия и Индия - страна, еще более хронополитически «растянутая», чем Россия. Однако наиболее существенен опыт Японии, которая использовала форму реставрации автократии для обеспечения модернизующего развития. Японская версия «самодержавия» оказалась совместима с модернизацией.

Японская модель вкупе с некоторыми идеями европейского конституционализма могут служить подсказкой для реформирования нынешней конфигурации власти. Коль скоро радикальный разрыв с традицией чреват потрясениями и катастрофой, а традиция неразрывно связана с самодержавием, надо сделать самодержавие рамкой новой конфигурации власти, наполнив ее новой субстанцией и придав новое оформление, как это и делали японцы. Наиболее рациональна и операционна в этом отношении идея

Бенжамена Констана о превращении монарха в особую посредующую власть, все полномочия которой связаны со сдерживанием негативных действий других властей, их примирением «сверху». Ему же принадлежит идея муниципальной власти, смиряющей функционально дифференцированные власти «снизу».

Нечто подобное могло быть сделано в России, где президентская власть могла бы взять на себя роль интегрирующего политического авторитета, который бы под стать микадо или констановскому монарху не мог бы брать на себя какие-либо конкретные функции кроме функций интегратора и посредника. Данное предложение при всей его кажущейся идеалистичности вполне практично и может быть подкреплено программой целой серии логически связанных реформ и, что еще важнее, пактов между участниками отечественного политического процесса. Думаю, что на нынешнем уровне своего развития политическая наука вполне могла бы стать ведущим участником разработки подобной программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пивоваров Ю.С,. Фурсов А.И. Правопреемство и русская власть: история и современность. – «Полития». 1998. № 1. С.78.

2. Ильин М.В. Укоренять изменения в традиции. – «Полис». № 4. 1999

КОРОТАЕВА Т.В.

ЗЕМСКО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

С конца XIX века земства Среднего Поволжья, шедшие ранее в хвосте земской жизни, выдвинулись на авансцену и начали активнее включаться в общественную жизнь страны [1].

1902 год принес значительное оживление в земское движение. 22 января 1902 года по Высочайшему повелению было образовано Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю.Витте. Совещание признало необходимым опросить местных деятелей и с этой целью были учреждены губернские и уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности [2].

Местные комитеты формировались губернской администрацией и предводителями дворянства. Земство как целостная организация местного управления было отстранено от участия в местных комитетах [3]. В ответ на это была выработана общеземская платформа в отношении Особого